

XXXVIII.

ОРЕЛЪ И ПТИЦЫ,

Былъ гусь и говоритъ: чтожъ я гусь, высоко летаю, большинства надъ собой не знаю. Завѣдала перепелка: точно ты, гусь, высоко летаешь, а большинства надъ собой не знаешь. Точно, я перепелочка — божья птишечка рано встаю, раннюю зорьку отпѣваю. Завѣдала сорока: ахъ ты, перепелка, ахъ ты толстолая, гдѣжъ тебѣ рано встать, раннюю зорьку отпѣвать! Точно, я сорока, я бѣлобока, у людей была, съ людьми баила про тѣ дѣла, про тѣлесныя. Завѣдалъ соколъ: ахъ ты, сорока, ахъ ты бѣлобока, тульская колдунья, ярославская хвостунья, гдѣжъ тебѣ у людей быть, съ людьми баять про тѣ дѣла, про тѣлесныя! Точно, я соколъ, высоко летаю, на лету всякую птицу побиваю; я вамъ всѣмъ царь. Завѣдалъ воронъ: точно ты, соколъ, высоко летаешь, на лету всякую птицу побиваешь, а зачѣмъ же ты хвалишься, орловскимъ царскимъ именемъ, называешься? Царь орелъ узнаетъ, вамъ съ сорокой худо будетъ.

Не стерпѣлъ, въ своихъ сердцахъ, подалъ царю орлу списки. — Батюшка, царь орелъ! Соколъ съ сорокой хвалятся, вашимъ царскимъ именемъ называются. — Призвать ихъ сюда, сковать нога съ ногою, представъ ихъ въ арестанскую роту, на каторжную работу — копать песокъ и глину: у кого печь худа, устье помазать годится. — А тѣ услышали, полетѣли, аль не на деревьяхъ листья зашумѣли.

Прилетаютъ къ царю, къ орлу. Царь орелъ выходитъ на крыльцо. — Зачѣмъ же ты, соколъ, хвалишься, орловскимъ царскимъ именемъ называешься? Соколъ сѣлъ передъ нимъ на колѣнки. — Батюшка царь орелъ, прости, виноватъ, сдѣлалъ фальшу, великія прошибки, похвалился одинъ разъ, и то не знаю что дѣлать. Сорока глядѣла—глядѣла, да себѣ сѣла. — Батюшка царь орелъ, прости виновата, сдѣлала фальшу, великія прошибки, похвалилась одинъ разъ на колодезѣ съ бабами пьяными. Онъ и говоритъ имъ: будь ты, соколъ, бариномъ, а ты сорока барыней. Они полетѣли, поклонились, рады тому, что дворянскаго чина добились.

Ворона глядѣла—глядѣла, себѣ полетѣла. — Полечу я къ царю къ орлу, не дастъ ли, говоритъ, онъ мнѣ какую нибудь дворянку. — Гдѣ ни взялся молодой воробей, началъ бить, началъ колотить, всю ей грудь отбилъ, дыханье заложилъ. Она прилетаетъ къ царю, къ орлу, забыла ужъ чинъ просить, начала на воробья жаловаться. — Батюшка царь, орелъ, молодой воробей разобидѣлъ, всю грудь отбилъ, дыханье заложилъ. — Призвать сюда молодого воробья. — Кличутъ его туда, а синица подъ бока жмется и говоритъ: воробей не робей, мы съ тобой вмѣстѣ у мужичка на огородѣ сѣмячко клевали, да одно зернушко подымали. А онъ ей и говоритъ: синица, побойся ты Бога, не говори ты много, мнѣ и такъ безъ тебя тошно. — И полетѣлъ молодой воробей туда. Царь орелъ выходитъ. — Молодой воробей, зачѣмъ, говоритъ, ворону разобидѣлъ? — Батюшка царь, орелъ, она воронища, дуровнища, поздно вечеромъ летаетъ, широко ротъ ро-

зѣбаетъ. Мужичекъ выдетъ разметать точокъ, она зашумитъ, закричитъ дурнымъ голосомъ, онъ броситъ метлы, лопату и глядитъ на небо,—знать, говоритъ, завтра непогода, ворона закричала. На насъ, говорить, на мелкую пташку зуду нагоняетъ: кто подъ тынокъ, кто подъ плетенокъ, кто гдѣ денекъ пребываетъ, тотъ тамъ съ голоду помираетъ.—Что, говоритъ, дура ворона, воробей правду говоритъ. Воробей! Дай ей тычокъ еще! — Завѣдала цапля: — Батюшка царь орелъ! Пусти меня спастись. — За какіе грѣхи? — Мужичокъ становитъ вентеря и верши, забиваетъ забивы. Забивши рано утромъ придетъ трестъ, а тамъ рожонъ есть.—Завѣдала галка: охъ, ты, цапля, ахъ ты долгобудылая, кудажъ тебѣ, этакой дурищѣ спастись, ты тамъ всѣхъ перепугаешь. Точно я галка, монастырочка, при колоколенкѣ живаю, Божье пѣнье слышаю, на мнѣ платье чорненькое, все равно, какъ на монашенкѣ, вотъ я туда гожуся. — А тетеревъ сидитъ на березѣ, сидитъ и говоритъ: что я на березѣ сижу и вашихъ дѣловъ не разсужу. Она ему говоритъ: о, глухой шутъ! Гдѣжъ тебѣ наши дѣла разсудить! Завѣдала курица: батюшка царь орелъ! Меня бабы ругаютъ, калмышками кидаютъ, еще дурой называютъ. Какая я дура, у меня есть тоже крылышки—перышки рябенькія, я такая же пташечка. Завѣдалъ голубъ: охъ, ты куравница, ахъ ты дуравница, выведишь ты дѣтищу дуравницу, ты ихъ не поишь, не кормишь, тебя-же съ ними поятъ и кормятъ, а ты тѣмъ не проймешься, къ мужику на огородъ заберешься. Старики увидятъ, цобранятся, за большія бороды поводятся. А я голубчикъ, у Бога пта-

шечка, выведу дѣточекъ парочку, а мало парочку, съ добавочкомъ, по озерамъ, по болотамъ летаю: мухъ козявочекъ собираю, сама кормлюсь и дѣтей питаю. — Тамъ стоитъ бочка, на бочкѣ корецъ, всей сказкѣ конецъ.

XXXIX.

ЛИСА И КОТЪ.

Жилъ былъ купецъ. У него было кошекъ много премного. Одинъ котъ у него провинился, онъ и говоритъ: ступай, шутъ съ тобой, куда знаешь. Онъ и побѣгъ въ лѣсъ; лисица на встрѣчу ему идетъ, онъ вскочилъ отъ ней на дерево. Она и говоритъ ему, котушка, Еремѣюшка, не бѣгай отъ меня, ты у меня будешь большая головушка. Онъ и слѣзъ къ ней съ дерева и пошли къ ней въ гнѣздо. А у ней волкъ повадился съ медвѣдемъ куръ таскать. Она его посадила въ нору, а сама пошла въ добычу. Съ ней встрѣвается волкъ съ медвѣдемъ: поди-ка, у меня есть большая головушка. Они не повѣрили. Приходятъ въ гнѣздо, волкъ и полѣзъ туда. Котъ испугался, не знаетъ что и дѣлать, и хотѣлъ вонъ изъ норы бѣжать. Волкъ испугался, думалъ за нимъ, повернулся назадъ и убѣгъ. Встрѣлись они опять съ лисицей и говорятъ ей: кума лиса, просимъ милости къ намъ въ гости, со всѣмъ съ большою головушкой. И говорятъ они между собой; медвѣдь и говоритъ волку: я приволоку корову, а ты овецъ пять, — и поклали они ихъ въ кучу. Медвѣдь глѣзъ